

Сергей Стеблиненко Лотерея «Еврейское счастье»

Лотерея «Еврейское счастье» (неоконченный роман)

Моей жене Наталье посвящается...

Пролог

В начале было слово...

— Здравствуйте! — звук мягких шлепанцев приближался снизу по лестнице.

— Здравствуйте, Полина Львовна, — ответил я.

Надо сказать, этот диалог длился уже почти год. После выписки из больницы, врачи строго настрого запретили мне выкуривать больше двух сигарет в день. Жена следила за этим строго, поэтому остальные 18 сигарет из пачки приходилось втягивать в себя не дома, а на лестничной клетке между вторым и третьим

этажами, куда власть жены над моим здоровьем не распространялась.

— Давно хотела у Вас спросить, — голос в тапочках приближался все ближе и ближе.

— Спрашивайте, — ответил я.

— Над чем Вы сейчас работаете? — тапки уже поднялись на второй этаж и выходили на финишную прямую.

— Роман, — вздохнул я. Вот уже неделю, как была написана первая фраза — «Сначала было слово», но дальше ничего в голову не приходило. Именно так уже начиналась одна популярная книга, автору которой удалось сделать ее всемирным бестселлером.

— И о ком же будет Ваш роман, — последнее слово, ударенное на первый слог, прозвучало чрезвычайно романтично.

— О евреях... О ком еще можно писать в этом городе?

— Ой, перестаньте! — тапочки неумолимо приближались все ближе и ближе, — Разве может

не еврей создать хорошую книгу о людях, имеющих открытое на все стороны света сердце и застегнутую на все пуговицы душу?

— Это... как? — не понял я.

— Евреи открыты для всех, но редко подпускают к себе слишком близко! У Вас ничего не выйдет — писать пронзительно и мудро, как Шолом Алейхем, Вы не сумеете, а стремительно и кратко, как Бабель, — не сможете.

— Почему? — удивился я.

— Причина проста, как мир, — для этого нужно родиться, как минимум, в ермолке, а как максимум — в сюртуке и шляпе. Ни первого, ни второго у Вас нет, — над тапочками уже возвышалось тело соседки с третьего этажа, все еще видной женщины весьма преклонного возраста, но совершенно непреклонного характера.

Каждый день в это время она спускалась на первый этаж к почтовым ящикам за газетой для своего мужа Якова Михайловича. На этот раз, помимо «Вечерки» в ее руках было письмо, обклеенное со всех сторон большими и яркими заграничными марками.

— Вот я и спрашиваю — зачем Вам этот гембель? — разглядывая письмо, продолжала соседка, — Что, нельзя писать об украинцах, молдаванах, или, на худой конец... — дойдя до худого конца, Полина Львовна несколько замешкалась.

— Конечно можно, но... — попытался сгладить неловкость я.

— И, что, но?

— Но, что делать, если меня всю мою жизнь окружали как раз евреи? Соседи, друзья, знакомые... Пройти мимо и не написать ни строчки просто невозможно!

— Что есть, то есть, — согласилась спина уже поднимающейся на третий этаж соседки.

— Вот и решил описывать эту выдуманную от начала до конца историю одесских евреев, как бы, со стороны...

— Надеюсь, с хорошей стороны?

— Со стороны одессита, в жилах которого

течет густой интернациональный коктейль, слегка приправленный мелькнувшей в третьем колене ермолкой по отцовской линии.

— Ну, это уже совсем другое дело! Не забудьте, что первым читателем Вашего опуса должен быть мой Яша. Можете мне поверить — от Вашего романа, — она опять сделала ударение на первый слог, — он не оставит камня на камне...

На третьем этаже звякнули ключи, и скрипнул дверь.

— Да, чуть не забыла, в этом романе не должно быть начала и конца...

— Это как же? — удивился я.

— Вы не присутствовали, когда в этот город приехали первые евреи, и, дай Бог, не увидите, как уедут последние. В общем, дерзайте и не забудьте подписать Яшин экземпляр с пожеланиями здоровья!

Дверь захлопнулась.

«В начале было слово».

Все-таки начало выбрано правильное — подумал я и погасил окурок...

Цветной сон Марии, слепой внучки Полины и Яши

Девушка сидела на скамейке городского сада и читала книгу. Фиолетовое солнце только поднималось над кинотеатром Уточкина и еще не успело превратить это чудесное летнее утро в привычный дневной ад. Ветер ласково щекотал листья старых каштанов, а львы на постаменте улыбались на всю ширину своей звериной пасти.

— Что Вы читаете?

В голосе проскальзывал едва заметный английский акцент. Такой обычно бывает у мигрантов, учивших этот язык уже в зрелом возрасте. Кстати, по-английски они обычно говорят с не менее ощутимым русским акцентом.

— Перечитываю — Шолом-Алейхем «Блуждающие звезды». Что еще может читать приличная девушка в наше время? — ответила она и подняла взгляд. От удивления ее глаза распахнулись еще больше и выразительнее. Казалось, кусочек неба упал на ее прекрасное лицо,

заполнив синим цветом все имеющееся пространство. И было чему удивляться — перед ней сидел... попугай. Не банальный какаду, что жил в клетке в бабушкиной гостиной, а настоящий — под 2 метра ростом и килограмм 70 весом.

— Фэнтези? — беря в руки книгу поинтересовался попугай.

— В некотором роде — история девушки, сбежавшей из дому с актером.

— Такого на самом деле не бывает, — тяжело вздохнул попугай.

— А как бывает на самом деле?

— На самом деле все происходит совершенно наоборот, — чувствовалось, что попугай знаком с темой разговора достаточно хорошо.

— Девушка сама сбегает от актера?

— Скорее, от хронического безденежья. Возьмите, к примеру, меня.

— Вас?

— Да... Меня только что выгнали со съемочной площадки...

— Кто посмел так поступить со столь важной птицей?

— Режиссер Мерцалов....

— Тот самый знаменитый режиссер, который за свою жизнь не снял ни одного фильма?!!

— Да, именно он...

— Как же Вам повезло!

— Это еще почему?

— Вы не снимались у самого Мерцалова!

После сказанного попугай неожиданно почувствовал себя знаменитостью — он поднял клюв и расправил крылья.

— Вот бы сыграть роль этого актера... — замечтался попугай.

— А Вы возьмите книгу и почитайте- вдруг Вам не понравится?

— Можно?

— Нужно! Тем более, что в этом случае мы с Вами обязательно встретимся еще раз.

— Правда?

— Конечно. Как минимум, для того, чтобы вернуть книгу...

Диалог девушки и птицы мог продолжиться еще долго, но налетел сильный ветер, фиолетовое солнце испуганно спряталось за кинотеатром Уточкина и откуда-то сверху раздался голос бабушки:

— Сколько можно спать! Вставай, красавица, тебя сегодня ждут великие дела!

Ветер подхватил девушку и начал уносить ее в небо.

— Вас зовут Мариам? — кричал откуда-то снизу попугай.

— Да... — отвели небеса.

— Я никогда не видел таких глаз, как у

Вас... — голос попугая становился все тише.

— У всех ашкенази такие глаза...

Между тем, ветер утих. Солнце снова выглянуло из-за здания кинотеатра Уточкина. Теперь оно было не фиолетовым, а нежно розовым, как спелый абрикос, проведший свою недолгую жизнь на Большом Фонтане. Город еще не проснулся и в городском саду было тихо, как обычно бывает на кладбище перед веселым праздником — Днем всех святых. Скоро проснуться обитатели странных человеческих скворечников и заполнят шумом и гамом пространство старого города.

А пока лишь одинокий попугай с томиком Шолом-Алейхема шел по тенистой аллее в сторону Гаванной улицы и тихонько напевал под свой выдающийся нос какую-то незамысловатую песенку...

Глава 1. Письмо из Америки

То утро для Маши началось с прихода бабушки.

— Мариам, сядь. У меня к тебе серьезный

разговор.

Маша нехотя села в постели, завернувшись в одеяло. Ей страшно хотелось досмотреть сон, но перечить бабушке она не рискнула. Тем более, что без причины врывать в ее комнату рано утром бабушка себе не позволяла никогда.

— Дедушке опять стало хуже?

— Счас! Твой дедушка ещё переживет всех нас, включая свою родню из Крыжополя! Слушай сюда — пришло письмо от твоего непутевого папаши из Америки...

— Да? — удивилась Маша, — Но ты говорила, что был летчик и разбился ещё до моего рождения?

— Я сама на это надеялась, но, похоже, он вовремя спрыгнул...

— Как спрыгнул? — продолжала удивляться Маша, — С парашютом?

— Может и с парашютом. По крайней мере, после того, как он завез твою покойную маму в роддом, его никто больше так и не видел...

— Получается, он жив? — до Маши только сейчас начало доходить, что ее папаша, которого она не видела никогда, жив. Правда, как это меняло ее собственное существование, было непонятно.

— Боюсь, что да... — в голосе Полины прозвучали хорошо различимые брезгливые нотки, — Но ты не расстраивайся — нет худа без добра. Похоже, сейчас он в Америке, миллионер ...

С этими словами Полина протянула Маше письмо. Слепая девушка потрогала его пальцами и бережно прижала к груди:

— Как бы я хотела его увидеть...

— Учитывая, что ты слепа от рождения, то это у тебя вряд ли получится, но услышать его ты сможешь легко!

— Да-а? — удивилась девушка. Ничего хорошего от своего отца она никогда не видела. Впрочем, как и не слышала по его поводу...

— И даже обнять, — брезгливо скривилась Полина, — Хотя, удовольствия от этого ты вряд ли получишь... Иди собирай вещи — скоро к нам явится представитель твоего папаша и ты полетишь с ним в Америку!

Последнее она выдавила из себя уже возле двери. Злость на бывшего зятя была слишком велика, чтобы выплескивать ее перед внучкой. Особенно накануне встречи с так называемым отцом. Неожиданно она остановилась и повернулась к Мариам:

— Да, и отдай мне письмо. Я заклеила конверт обратно, чтобы твой дедушка прочитал его, как будто, раньше всех!

— Бабушка, а как же вы с дедом? — бедная девушка не знала, как ей поступить — сначала радоваться, а потом огорчаться или совсем наоборот...

— Как? — Полина включила привычный сарказм, — Как всегда! Думаешь, я не хотела отсюда уехать к сестре в Америку? Фира три раза присылала вызов, и мы три раза оформляли документы!

— И...

— И каждый раз мой Яша находил повод остаться! Год назад я ему так и сказала: «Яша, моё терпение лопнуло — кидаем все и едем к чертовой матери!». Как же! У него вовремя отнялись ноги!

Ну, почему этому оболтусу всегда везет?

В этот момент в коридоре что-то заскрежетало, а потом раздался страшный грохот, словно разверзлись небеса и на землю упало нечто чрезвычайно тяжелое и большое. Не успел грохот умолкнуть, как за ним последовало ворчание Яши, мужа Полины, того самого счастливлчика, о котором только что говорила женщина.

— Полина! Почему не включается свет в ванной?!!

— О! Слышала? Оно проснулось! — сказала Полина внучке и мгновенно переключилась на Яшу, — Там не работает выключатель.

Следующая ее фраза была адресована уже в никуда:

— Все, до чего он касается — обязательно ломается... В лучшем случае, перегорает!

Потом она вновь обернулась к девушке:

— А ты чего сидишь? Беги, собирай вещи!

Тут в коридоре что-то хлопнуло и выключился свет.

Глава 2. Недоразумение по имени Яша

— Конец света! Конец света! — раздался нечеловеческий голос из гостиной.

Полина подошла к клетке с крайне недовольным попугаем. Из глубины коридора донесся голос Яши:

— Не волнуйся, я все исправлю!

— Вот только не надо ничего исправлять! — закричала Полина, — И не лезь до счетчика! Там электрик повесил секретный прибор, чтобы скрутить свет...

Но было слишком поздно — раздался взрыв, включился свет и повалил мерзкий черный дым из коридора. Полина с ужасом осела на стул:

— Яша! Если тебя убило, скажи — я не буду греть завтрак!

При слове «завтрак» из коридора донеслись гулкие, но частые удары, словно откуда-то издалека несло стадо диких клоунов на ходулях. Через минуту в комнате появился и сам нарушитель спокойствия, весь в дыму, но на ходунках. Обгоревшая футболка с надписью «SPRINTER»

придавала ее владельцу не слишком респектабельный, но вполне экстремальный вид. Зато висевшее на его шее странное устройство, с торчащими из него проводами делало его походим на алхимика или космонавта, но с очень далекой и совершенно неизвестной планеты. Он подошел к Полине со спины и прокричал ей в самое ухо:

— Полина! Я, кажется, оторвал кусок счетчика...

Полина обернулась и посмотрела на мужа полными ужаса глазами:

— Идиот! Что я скажу электрику?

Перед нею стоял недогоревший до конца Яша. Он дымил, пах горелой пластмассой, но продолжал крутить в руках какие-то странные проводки.

— И этому недоразумению я отдала свою молодость! — в голосе Полины почему-то звучала радость, — Комедиант! Вот его дедушка, таки да, был артист! Он работал кантором в Балтской синагоге, что возле родильного дома... И каким кантором! Когда он пел, творились чудеса. Роженицы прекращали рожать детей! Зачем? Они их просто выплевывали! Так, то ж была песня!

Произнеся этот пассаж, Полина умолкла. Она

и сама не была уверена в том, что говорила — Яшины родные погибли во время той самой войны. Сам он случайно остался жив — летом 1941 года его отправили к тетке в Одессе, а затем с ней мальчик попал в эвакуацию. Муж тетки в ту пору был большим человеком в порту и сумел отправить своих близких на безопасное от фронта расстояние — в Самарканд. Сам же остался в Одессе, где и принял смерть. Правда, сделал это не как важный чиновник, а как простой еврей. Вернувшись из эвакуации и узнав о судьбе родных, в Балту Яша больше не ездил никогда. Даже на гастролы театра, в котором он прослужил всю жизнь. Тетка второй раз замуж так и не вышла, посвятив всю жизнь воспитанию племянника. Потом тетка умерла, и огромная квартира на Пушкинской улице досталась прописанным в ней Яше, Полине и их маленькой дочери...

— Вот, здорово! — прервал размышления Полины громкий голос слегка контуженного на всю голову мужа, — При помощи этих маленьких проводков можно обмануть целое государство!

— А мой комедиант всю жизнь играл в украинском театре... — продолжала всхлипывать обрадованная появлением мужа женщина, — Он даже танцевал матросский танец на украинском

языке!

Не вставая со стула, она сделала несколько танцевальных «па», отдаленно напоминающих пляску пьяных матросов в «Гамбринусе», партию не первый раз умирающего лебедя и танец «Фрейлекс», который в последний раз она танцевала еще на свадьбе дочери

— Правда, с его произношением это выглядело примерно так, — поправилась Полина и повторила те же выкрутасы, сильно припадая на правую ногу

— Говори, что хочешь — я не слышу! — отреагировал слегка ударенный током Яша и наострил свои торчащие в разные стороны уши.

— Когда Яша дома репетировал монолог немецкого генерала — у меня завял фикус! Так этот генерал сдался в плен ещё в первом акте! К тому же, Яша забыл немецкий текст. Пришлось капитулировать на суржике! Вы бы слышали, как он сдавался... — вздохнула Полина и тихо прошептала, — Недаром говорила моя мама...

— Полина! Брось шалопая — найди себе мужчину! — голосом Яшиной тещи вставил свои

пять копеек попугай.

— Молчи, животное! — в голосе Яши звучало больше смеха, чем злости.

Едва Полина набросила на клетку фартук, как Яша заговорит с вполне нормальной громкостью:

— Та-а-к, и что говорила эта коварная интриганка? Или я ошибаюсь?

— Эта добрая женщина говорила, что ты никогда не ошибаешься, не сливаешь за собой унитаз, — строго ответила Полина, — И... и...

— Да?.. А я подумал...

— Нет, я вас умоляю! Он подумал! Яша, ты никогда не думал раньше, когда ходил, так не пытайся это делать теперь...

— Это ещё почему? — не унимался муж.

— Потому, что ты опять ляжешь, и я буду мучиться с очередным инфарктом! Яша! Побереги моё сердце!

Яша сразу затих — Полину он берег, любил, но старался не отвлекать от домашних дел, которые

после его болезни всецело лежали на ее некогда хрупких плечах. Он сел на диван, положил рядом странный прибор для обворовывания державы и взял со столика газету. Из неё тут же вылетело письмо. Такого оборота он явно не ожидал — оно было обклеено заграничными марками, среди которых выделялись две: статуя полуобнаженной женщины с факелом и мужчины с торчащей бородкой — его буржуи любили рисовать на пятидолларовых купюрах. От конверта приятно пахло свободой, богатством и... сдобой. Яша подозрительно взглянул на Полину, но та не реагировала.

Яша мгновенно распечатал конверт, вынул письмо и начал носиться по комнате, как ошпаренный, периодически забывая про ходунки.

— Точно так скакал Фима, когда его жена уехала к маме! — не удержалась Полина и добавила, — Нет, когда она внезапно вернулась и застала в своей постели какую-то фифу...

Наконец, Яша остановился, поднял письмо над головой и торжественно, произнес, делая мхатовские паузы и стараясь придать голосу шекспировский пафос в переводе Пастернака:

— Вот! Я ждал этой минуты восемнадцать

лет! Наш бывший зять, подлец и аферист Ньюма наконец-то...

— Умер? — с надеждой спросила Полина.

— Если бы... — продолжал вдохновленный на всю голову супруг, — Этот негодяй вспомнил, что у него есть дочь! Вот письмо — с минуты на минуту сюда заявится какой-то Феликс. Наконец, я выскажу всё, что о нём думаю!

— О Феликсе?

— О Ньюме! Он обманывал всех подряд, но это ещё можно было как-то пережить! Но он забыл про свою дочь! Еврей не может бросить своего ребенка! Или это не его дочь, или он не еврей!

Выпалив из себя это, Яша загромыхал ходунками. Он носился по квартире, не останавливаясь. Проклятия сыпались из него как семечки, и, казалось, не имели конца. В них было все — и боль, и обида, а даже капелька традиционного еврейского юмора.

— Чтоб он всю жизнь строился! Чтобы к нему всю жизнь ходили гости! — приговаривал Яша по-русски, потом воскликнул «Вэй`з мир!» и

разразился странной фразой на непонятном даже ему самому языке.

Последнее предложение ему особенно нравилось, и он повторил его трижды.

— Яша, ты хоть понимаешь, что говоришь? — не выдержала Полина:

Яша удивленно выглянул из проема двери:

— А что? Так всегда говорила моя бабушка, когда пьяный сосед падал на ее забор в Балте.

— На идиш это означает — «Чтоб я ходил к тебе на праздники, а ты ко мне на костылях!». Пока что на костылях ходишь ты, а не Ньюма...

— Это у него еще впереди.

На этот раз Яша вернулся не сам — за плечом его висело старое охотничье ружье, доставшееся ему по наследству вместе с квартирой. Он стал в первую позицию посреди комнаты и хорошо поставленным голосом продекламировал на том же языке, с тем же чувством, но с большим пафосом.

Полина от неожиданности даже зааплодировала. Яша раскланялся и спросил:

— А сейчас что я сказал?

— Ты пожелал Нюме быть лампой — днем висеть, а вечером гореть!

— Хорошо сказал, — удовлетворенно произнес Яша, снимая с плеча ружье и целясь в лампочку, в которой, как ему казалось, отражалась физиономия бывшего зятя.

— Полина! Сколько сейчас дают за несчастный случай?

— На твою жизнь несчастных случаев уже хватит... — оборвала мужа Полина, после чего примирительно добавила, — Тем более, что это ружье не стреляет!

— Это как посмотреть! Говорят, что если в первом акте его повесить на стену, то в последнем оно, если кого-нибудь не убьет, то обязательно сильно покалечит!

— Этого я как раз и не боюсь... — в голосе женщины зазвенела сталь, — Дай сюда!

Она завладела оружием, вытерла с него пыль и тут же повесила на торчащий из стены гвоздь.

Когда-то на нем висел портрет Яши в форме немецкого генерала, которую ему так и не довелось сыграть на сцене родного театра. Когда же портрет списали за ненадобностью, Яша приволок его домой. Полина долго воевала с этим наследием нацизма, но однажды случилось чудо — веревочка, на которой висел Яша, порвалась и бравый генерал упал на пол, как подрезанный. Неделю Яша выписывал круги вокруг портрета, обдумывая, как закрепить новую веревочку или связать старую, но так ничего и не добился. Чинить портрет Полина отказалась категорически. Через неделю интерес Яши к портрету иссяк, и он исчез самым загадочным образом. Остался лишь гвоздь, выдернуть который руки Яши так и не дошли.

— С твоим сердцем, уже первый акт может легко стать последним! — сказала Полина любуясь

Тем временем Яша начал подозрительно рассматривать конверт, вертеть его в руках и даже нюхать.

— Полина, ты точно не читала это письмо?

— А чтоб у меня сбежало тесто! — воскликнула Полина и вскочила с места, — Ой,

тесто!

Глава 3. Ньюма — враг человечества

Пока Полина возилась с тестом на кухне, Яша продолжал изучение заокеанского письма.

— И внучка не знает, что нашелся её родной отец?

Вопрос Яши был адресован самому себе, хотя ответ на него прозвучал от Полины с кухни. Впрочем, ничего удивительного в этом не было — все ответы на поставленные вопросы последние 50 лет в этой семье давала именно жена.

— Откуда?! Бедная девочка слепа от рождения! А ты хочешь, чтобы она всё бросила и читала твои письма!

— Зато всю жизнь это делала ты! — съязвил Яков, тяжело вздохнув

— Ну и что? — без капли раскаяния прокомментировала Полина, — Я же должна была как-то отвечать твоим поклонницам?

— И после этого они исчезали навсегда, так и

не ощутив на себе мой талант!

Едва прозвучало слово «талант», как из кухни примчалась Полина. Она перебрасывала раскатанное тесто с руки на руку с мастерством заправского жонглёра и парировала выпады мужа, как заправский фехтовальщик.

— Они исчезали, узнав, что от твоего... таланта столько же толку, как от твоей зарплаты! — выплюнула она на одном дыхании, — Хватит спорить, вся Америка отлично знает, чем завтракал этот подонок Ньюма!

— Ты думаешь, твоя сестра Фира знает за Ньюму?

Тем временем Полина уже исчезла, продолжая диалог с мужем уже из кухни:

— Фира знает за всех! И даже немного больше, чем ЦРУ и Массад вместе взятые!

— Да! — в голосе Яши было столько раздражения, что заподозрить его в любви к родственнице жены не было никакой возможности, — Она вечно лезла в чужие дела!

— Откуда ты знаешь, если все твои дела веля я?!!

— И что ты узнала за Ньюму? — нетерпение вырывалось из Яшиного тела. Казалось, оно вот-вот вырвется наружу, разорвав в клочья полосатую, как жизнь, пижаму.

— Фира сказала, что Ньюма, таки, миллионщик! — торжественно произнесла Полина.

— Странно... — не поверил Яша. Он никогда не верил в сказки, даже те, в которых по прихоти судьбы, играл сам.

— ...а месяц назад его даже видели в синагоге! — продолжала торжествовать Полина.

— Этого не может быть!

Голос старого артиста дрожал от праведного негодования. Подлец Ньюма в синагоге? Это выходило за рамки его понимания добра и зла. Надо сказать, что сам Яша синагогу посещал крайне редко, считая, что лучше не грешить, чем потом отмаливать. На практике это выглядело следующим образом — друзьям и знакомым, общавшимся с Б-гом в Главной синагоге на

пересечении Еврейской и Ришельевской улиц, он говорил, что идет молиться к их конкурентам — в синагогу Хабад на Осипова. А тем, в свою очередь, рассказывал совершенно обратное. Учитывая конкуренцию между двумя этими зданиями, Яше все сходило с рук, и по субботам он блаженно похрапывал на своем любимом диване. Надо отдать должное нашему герою — по субботам он не работал никогда. Как, впрочем, и в другие дни, уступая эту почетную обязанность жене.

— Правда, его видели там... в понедельник... — примирительно добавила Полина.

— Видишь, а я что говорил! — не унимался Яков.

— Он придумал всемирную еврейскую лотерею! Она так и называется «Еврейское счастье»!

— Вы только посмотрите — куда катится мир! — Яша снова вещал и клеймил, не оставляя от ненавистного Ньюмы мокрого места, — Со времен Авраама у евреев не было спонсоров! И на тебе: здравствуйте, меня зовут Ньюма, я принесу вам счастье...

Полина попыталась успокоить мужа:

— Яша, ты не думаешь, что человек исправился, пришел к богу...

— Кто? Ньюма? Сейчас! Поверь старому еврею — этот бездельник просто так даже в носу не ковыряется... Чует моё сердце, этот аферист подбирается не к богу, а к нашей внучке.

Через стену справа заиграла скрипка. Она еще не пела, а лишь тихонько повизгивала в неумелых руках соседского первоклассника. Гаммы протяжно и монотонно разливались по дому, забираясь под плинтус и распугивая тараканов. Кто знает, может со временем фамилия этого вундеркинда всплывет на афише филармонии, но пока он играет гаммы, и его музыка не тревожит душу, а лишь раздражает нервы.

— Своей дочке... — ответила мужу Полина, — Он подбирается к своей дочке...

— Нашей внучке! — настаивал старик, — Этот подлец бросил Анечку, как только она переступила порог родильного дома...

— Но она его дочь... — Полина была

неумолима. Эта женщина отличалась удивительным характером — если она что-то для себя решила, то никакие ухищрения или уговоры уже не могли повлиять на ее решение.

— У него больше нет дочери, и никогда не было жены! — крик души, вылетающий из немощного тела Яши, разметал все на своем пути, преодолевал преграды, но столкнувшись с грозной фигурой жены, неожиданно стихал, не оставляя никакой надежды на продолжение, — Наша бедная девочка умерла при родах, а он так и не появился! Он не посыпал голову пеплом, когда мы оплакивали её на кладбище! Не был рядом, когда меня спрашивал реб Арье: «Яша, где твой зять?». А Яша стоял в упавшем на него горе и плакал. У Яши не было ответа, у Яши была беда...

Звук скрипки резко прерывался на полутоне.

— Но что хорошего увидит бедная девочка с такими больными и немощными стариками, как мы? — в словах Полины не было трагедии. Напротив, фраза звучала обыденно, а потому и особенно страшно.

— Мы переживем всех! — никак не успокаивался Яша, — Я ещё потанцую на свадьбе

Мариам, а ты будешь нянчить маленьких Штруделей!

— По отцу наша девочка....

— Не смей произносить в моем доме фамилию этого негодяя! Мария выйдет замуж, а Ньюму, с его противной фамилией будет помнить разве что ветер на заброшенном кладбище!

Опять раздался стук ходунков. Яша уходил, прекрасно понимая, что Полина права — они беспомощны против времени. Пройдет лет пять, в лучшем случае десять, и они уйдут на встречу с дочерью. И тогда Мария останется одна в этом большом жестоком мире. Беспомощная и слепая. Перед самой дверью он неожиданно остановился и, не оглядываясь, произнес:

— Подонки не имеют национальности! Их даже нельзя называть фамилиями предков!

— Это ещё почему? — удивилась Полина.

— Потому, что они — подонки!

Яша ошибался... Фамилия у Ньюмы, конечно, была — Горелик. Вот, только произносить ее в

приличном обществе никто не решался — слишком много неприличных слов пришлось бы употребить, чтобы передать все многообразие внутреннего мира ее обладателя...

Страшный сон Ньюмы, непутевого зятя семьи Штрудель.

Нюма сидел на самом краешке предметного столика гигантского микроскопа, беззаботно дрыгал ногами и насвистывал легкомысленную песенку.

Где-то там, по другую сторону толстой линзы находился огромный седобородый старик. Он внимательно разглядывал эту нахальную человекообразную вошь и что-то записывал в большую амбарную книгу. Страничка, по которой делались записи, была разделена на три большие колонки — «Сволочи», «Подонки» и «Аферисты». Старик еще раз заглянул в окуляр, перевернул страницу и что-то вписал в раздел «Проходимцы». Затем снял трубку допотопного телефона без номеронабирателя и громовым голосом произнес:

— Барышня, соедините меня с Вельзевулом.

В трубке забулькало, затрещало, словно кто-то плеснул масла на раскаленную сковороду.

Потом кто-то щедро срыгнул и прошипел:

— Але, лайла тов (ивр), уважаемый Моше Абрамович!

— Шолом, Веля... — поздоровался в ответ старик, — Я с тобой не разговариваю, но у меня до тебя есть дело.

— Всегда рад помочь праведникам.... Это такая редкость в наше время...

— Давай без реверансов, исчадь ада...

Из трубки послышался гортанный смех, гармонично переходящий в рычание. Старик дождался, пока рычание закончится и продолжил:

— Я бронировал место на самой горячей сковородке на фамилию Горелик... Так вот, перенеси броню на следующий год...

— Вы будете смеяться, но мы это уже сделали!

— Не понял? — удивился старик.

— Другому бы ни за что не рассказал, но Вам, как на духу... — еще тише зашептал голос в трубке, — За него попросила одна важная

персона...

— Веля, я тебя не узнаю — ты же сам клялся, что не будешь иметь дело с евреями!

— Клялся, было дело... Но, кто знал, что у нас забьется дымоход!

— И что?

— Вместо этого Горелика прислали грамотного трубочиста, который мучился в эдеме 200 лет...

— Мучился? Ну-ну...

— ... от безделья. Зато теперь у нас такая тяга, что пальчики оближешь! — продолжал прикалываться голос в трубке, — Извините — бегу на кухню, а то грешники в сковородках пригорят...

Раздались гудки, но внимание Моисея уже переключилось на Ньюму.

— Слушай меня сюда, — строго сказал Старик, — Прекращай договариваться за моей спиной с Вельзевулом! Ты все равно его не перехитришь.

— Даю слово — никаких гешефтов с этим мерзким...

— Верю, — перебил его старик, — А теперь главное — займись судьбой дочери — еврей не может бросить своего ребенка! Скоро я передам этот талмуд Самому, и Он впишет твое имя в Книгу судеб. Можешь мне поверить — Он не ошибается никогда и если ты соврал...

— Как можно? — пропищал Ньюма, — Я что, поц?

— А кто? — спросил в лоб старик,

Вопрос Моисея застал Ньюму врасплох — он заерзал на месте, опустил глаза и скукожился. Раньше подобное с ним происходило лишь при появлении прокурора.

Тем временем седобородый гигант совершенно утратил интерес к потухшему, как седьмая свеча грешнику, сделал глубокий вдох и резко выпустил воздух в сторону Ньюмы. Попавший в струю Горелик кубарем полетел прочь, отчаянно выкрикивая что-то нечленораздельное. Старик посмотрел ему вслед и закрыл книгу.

Глава 4. Девичьи тайны семьи Штрудель...

Не успел Яшин гнев выплеснуться из комнаты, как в нее впорхнул ангел. Надо сказать, эта слепая девушка двигалась по квартире настолько уверенно, что сторонний человек никогда бы не смог догадаться о ее недуге.

— Он так и не понял, что мы читали письмо? — спросила Маша бабушку.

— Откуда?!

В интонации Полины ощущались вопрос и восклицание одновременно, словно в этом слове она пыталась передать все многообразие одолевавших ее чувств,

— Твой дедушка всегда считал себя большим умником и никогда не верил, что другие тоже имеют мозги! Он до сих пор думает, я не знаю, что его паралич уже давно прошел и он скачет у меня за спиной как молодой жеребец в ожидании...

На «ожидании» она запнулась:

— Впрочем, об этом тебе ещё рано думать!

— Ну, бабушка... Опять? Об этом в 18 лет думают все приличные девушки! — возмутилась Маша и печально вздохнула, — Даже такие безнадежно слепые, как я!

Разговор явно обретал запрещенный подтекст. Как в семье повешенного не говорят о веревке, так и наши герои старались не поднимать вопрос слепоты внучки. Напротив, Полина с детства внушала девочке мысль, что она ничем не отличается от других детей, а отсутствие зрения с лихвой компенсируется ее природным умом и сообразительностью. Поэтому, услышав от внучки подобные речи, Полина моментально преобразилась и заговорила привычным тоном, не терпящим противоречий:

— Во-первых, ты не слепая, а незрячая! — дальше она попыталась перевести неприятный разговор совсем в другую сторону, — Во-вторых, не вздумай, в этой Америке выскочить замуж за первого встречного, что обычно и делают все приличные девушки в твоём возрасте...

— И все-таки я не могу уехать к отцу и бросить вас с дедом. Может, нужно его подготовить, уговорить...

— Прекрати немедленно! — бабушка не

оставляла внучке шанса, — Твоего дедушку не нужно подготавливать и тем более уговаривать! Его надо ставить, исключительно, перед фактом!

— А как же его больное сердце? — не унималась девушка, — Он каждый день пьет таблетки жменями, и мой отъезд может его убить...

— Его больное сердце... — голос Полины наполнился такой язвительной иронией, что выплесни ее наружу, та смогла бы запросто разесть любой самый прочный металл, — Оно такое больное, как моё здоровое! Последние месяцы он пьет только витамины, которые я ему подсовываю! И хватить спорить! Лучше иди собирать чемодан, скоро здесь будет человек твоего папы.

Полина смотрела вслед убегающей внучки и продолжала привычно ворчать:

— Да, и прекрати думать о женихах — у тебя для этого есть бабушка!

Глава 5. Феликс, приносящий евреям счастье

Звук, доносившийся из «калidora», как говорят в Одессе, напоминал топот стада

половозрелых мустангов во время весеннего гона. Правда, вместо густой степной травы под их ногами был паркет, а вместо солнца — тусклая, но очень экономичная лампочка достоинством 30 ватт. Впереди неслись Яшины ходунки, за ними едва поспевал их владелец, а сзади плелся невзрачный молодой человек в строгом черном костюме и такого же цвета шляпе. Кроме выдающегося из немощного тела носа, его лицо ничем приметным не отличалось.

— Надо быть ненормальным, чтобы припереться сюда с таким репертуаром! — Яша купался в своей злости. Долгие годы он мысленно прокручивал этот монолог, добавляя в него все новые и новые краски. И вот теперь была премьера, — Вы думаете, если Яша пенсионер, ему можно сесть на голову? Как же! Я ещё сам залезу на кого угодно! И поверьте мне, я выплесну все, что накопилось за эти годы! Тогда, утоните не только Вы, но и Ваш хозяин Ньюма. Его не спасут никакие деньги! Там, где мы с ним встретимся, нет ни долларов, ни евро, я уже не говорю за рубли. А мы обязательно встретимся!

Кавалькада стремительно влетела в комнату и замерла как вкопанная, но хозяйка на этот изящный аллюр никак не прореагировала. Полина сидела за

компьютером, не сводя глаз с экрана.

— И как говорит русская поговорка, ещё отольются Нюме Яшины слёзки! Это я Вам — обещаю!

Эти слова предназначались Нюме Горелику, профессиональному подлецу и аферисту. Или наоборот — профессиональному аферисту и подлецу? Впрочем, это не имело никакого значения. Он было открыл рот, чтобы продолжить свою бесконечную речь, но прозвучал зуммер компьютера. Рядом с ним сидела Полина откинувшись на спинку стула, и держась за сердце не с той стороны. Впрочем, это тоже не имело никакого значения.

— Полина, тебе плохо?

— А кому сейчас хорошо? Фирочка... — Полина тяжело вздохнула.

— Ну? — нетерпеливо спросил Яша. Одно упоминание об Эсфирь, которая жила в Америке со своим мужем часовщиком выводило Яшу из себя. Сестра Полины (а Фира пребывала именно в таком статусе) постоянно звала Штруделей в Америку и с настырно отправляла им вызовы. Яша ехать не

хотел принципиально — здесь была его Родина, которая судя по размеру пенсии, относилась к нему не как любящая мать, а в лучшем случае, как безразличная мачеха.

— Что, ну? — перебила размышления мужа Полина, — Пока ты перемывал Ньюмины кишки и доводил себя до инфаркта...

Но Яше не терпелось узнать, что сообщила Фира. Он сгорал от любопытства, разбрасывая искры прямо на паркет:

— Полина, тырываешь мне любопытство! Скажи прямо, не держи это в себе!

Смешные люди мужчины! Они почему-то думают, что женщины в состоянии удержать в себе хоть какую-то мало-мальски весомую новость. Полина исключением тоже не была. В этом плане она напоминала дуршлаг — попавшая к ней новость тут же вытекала, даже не успев поплескаться по стенкам ее собственного черепа.

— Яша! Эта Ньюмина лотерея... — выплеснула Полина.

— При чем тут лотерея?

— Яша, выпей таблетку. Боюсь, это может разорвать твоё большое сердце...

Житомирский еврей не может долго молчать в трех случаях — когда его пытаются обсчитать, когда такую возможность имеет он сам и, если в его присутствии о чем-то говорят другие евреи. Гость в шляпе прокашлялся для приличия и вклинился в разговор:

— Яша, пожалуйста, не умирайте — у меня до вас есть дело...

— Яша, возьми себя в руки... — поддержала его Полина.

— Полина, я весь во внимании! — ответил Яша и открыл для убедительности рот.

— Фирочка сообщила, что лотерея проходимца Ньюмы принесет победителю самые настоящие миллионы!

Слово миллионы Полина произнесла по-старинному через «Ё» — мильЁны. Точно так говорила ее мама, когда рассказывала о Гершковиче, жившем на Бугаевке через два дома от них. Тот работал на Новом базаре потомственным мясником и слыл подпольным «мильЁнЭром».

Каждой весной к Гершковичу приходила милиция, копала огород на зависть соседям, но ничего путного не находила. Этот цирк продолжался лет пять, пока экспертиза не доказала, что анонимки на Гершковича писал никто иной, как сам Гершкович. И делал он это каждый раз, когда жена собиралась садить помидоры. К сожалению, отец Полины работал скромным профессором-офтальмологом и копал огород сам...

— Полина, за всю жизнь я не видел ни одного счастливого, которому Ньюма принес хотя бы копейку! А ты говоришь, миллионы...

— В том то и дело! — воскликнула Полина, — В этой лотерее участвуют только евреи! Каждый покупает билет за 100 долларов...

— ... и Ньюма кладет эти деньги в карман! — продолжал сомневаться Яша.

— Лотерея так и называется — «Еврейское счастье»! Неужели ты думаешь, что еврей может украсть счастье у другого еврея?

— У одного — нет, а у всех... — скептически кивал головой Яша, — Не надо недооценивать Ньюму!

Послышался кашель и возмущенный голос гостя:

— Но это просто невозможно! Всё считает компьютер!

При слове компьютер Яша брезгливо скривился. За свою жизнь он так и не научился пользоваться калькулятором. Из всех механизмов, которые крутились, вращались и дергались вокруг он освоил лишь часы-ходики со сдохшей кукушкой, да и те демонстративно останавливались при одном лишь виде подходящего к ним хозяина:

— Ещё не изобрели компьютер, с которым бы не договорился Ньюма!

— Это невозможно... — гость снял шляпу, открывая взорам присутствующих великолепную лысину, — Каждый год выигрыш получит новый еврей! Таким образом, до конца света каждый будет иметь своё счастье!

— И даже я? — продолжал упорствовать Яша.

— Даже Вы! — гость внимательно оглядел человека в пижаме и с гораздо меньшей уверенностью продолжил, — Правда, сроки его получения известны только Б-гу...

Гость снова надел шляпу, принимая более официальный, как ему казалось, вид:

— Кстати, я — Феликс, распространитель лотереи... Моя фамилия — Мандель...

Полина пристально посмотрела на распространителя и тут-же выпалила:

— А Вы, случайно, не родственник того Манделя из Житомира, который всю жизнь искал Беллу Марковну, чтобы отдать ей 20 рублей долга? Замечательный был дантист. Между прочим, он ставил мне вот этот мост, когда я ездила к тете Хаве! В тот год еще ругали Пастернака за то, что не поделился премией...

Полина подошла к гостю, открыла рот показывает пальцем на стыдливо прячущийся за щекой зуб. Гость какую-то минуту колеблется, затем заглянул в направлении, указанном пальцем женщины, снял шляпу и счастливо улыбнулся:

— Да, это работа моего дедушки...

Полина чувственно вздохнула, кокетливо подвела глаза в сторону люстры и прошептала:

— О, какой был дантист!

— Какой ещё дантист? — встрепенулся

муж, — И при чем тут твой мост?

— Как это при чем?! — продолжала купаться в воспоминаниях Полина, — Он так безупречно все сделал...

Ревность, как и совесть дается человеку лишь однажды, но преследует его до самого конца. Проигравший на сцене свою жизнь Яша был невероятно востребован за кулисами. Его любили все дамы, особенно раннего бальзаковского возраста, поэтому Полине довольно часто приходилось извлекать своего любвеобильного «зайчика» из постелей «белочек», «лисичек» и даже крайне опасных светских «львиц». Подобные выкрутасы Яша считал издержками профессии, просил жену не заморачиваться по этому поводу и получал от нее выволочку стойко, как оловянный солдатик. Уже через пару дней сердце Полины снова наполнялось любовью, глаза светились солнечными зайчиками, а сама она порхала, как бабочка, весело размахивая крылышками и даря миру тепло своего вечного лета. Так продолжалось ровно до тех пор, пока ее «зайчик» не отлавливал очередную «белочку» и жизнь не возвращалась на круги своя.

Теперь, видимо, пришло время испытать на

себе ревность и Яше.

— Не понял? Что он такого тебе сделал, о чем я не знаю?

— Яша прекрати думать плохо о людях! — упивалась мезтью Полина, — Он сделал мне... мост... Только мост...

— Мы, Мандели всегда все делали на совесть! — в голосе гостя звенела неподдельная гордость. Он даже надел шляпу для придания моменту пущей важности.

Надо сказать, что шляпа в жизни бывшего библиотекаря Феликса Манделя играла необычайно важную роль. Он был скромн, лыс и запредельно честен. Эти черты делали его непривлекательным для дам, зато вызывали искреннее уважение мужчин. Последние не видели в нем конкурента. Так вот — шляпа помогала ему прятать собственные недостатки. Правда, периодически ему приходилось ее снимать, представляя перед окружающими в полнейшей душевной нагоде.

— Это — правда, раньше все делали на совесть, — в голосе Яши все еще тлело подозрение, — Моя жена до сих пор перегрызает куриные косточки быстрее любого ротвейлера!

Последнюю фразу он произнес, глядя на Полину с опаской и слегка поёживаясь. Видно было, что качество работы житомирского дантиста ему довелось испытывать на собственной шкуре. Полина заметила замешательство мужа, но ничего не сказала, улыбнувшись все еще мощными клыками.

— Скажите, Феликс, — обратилась к гостю женщина, — Ваш дедушка, таки, нашел Беллу Марковну или Вы не в курсе?

— Нашел! — радостно воскликнул молодой человек, но тут же снял шляпу и тяжело вздохнул, — Правда, уже на кладбище...

— Какое горе... — снимать с головы Полине было нечего. Разве что неприятности, которых там скопилось достаточно много, — Он сильно расстроился?

— Думаю, да. Во всяком случае, через неделю мы похоронили его возле Беллы Марковны...

— Вы не забыли положить ему в могилу 20 рублей?

— 20 рублей?! — одновременно воскликнули мужчина. Так бывает, когда сильный пол поражается парадоксальностью мышления слабого.

— Ну, да... Чтобы там, — Полина многозначительно ткнула пальцем в небо, — , когдаонвстретит Беллу Марковну было чем рассчитаться!

Сначала Феликс и Яша смотрели вверх, куда стремился палец Полины. Потом их внимание переключилось на женщину, отчего последняя несколько смутилась.

— А что я такого сказала?

— Ничего, — вздохнул Яша и добавил, — Осталось убедиться, что там (он устремил палец туда, куда мгновение назад указывала жена), таки да что-то есть...

— Яша, будь оптимистом... — обнадежила Полина.

— Легко сказать... — опустил палец супруг и переключился на Феликса, — Так Вы точно не приехали от Ньюмы забрать у нас внучку?

— Нет! Я привез Штруделям их лотерейные билеты!

Феликс снова надел шляпу, стал в третью позицию и театрально произнес:

— «Еврейское счастье» рано или поздно придет в каждый еврейский дом!

Выплюнув из себя заученный слоган, Феликс расплылся в наигранной улыбке.

— Так-так... — дивился Яша, — Значит, Вы — Феликс, который приносит «еврейское счастье»?

— Да! — выпалил Феликс и покраснел.

— ...а Феликс от Ньюмы, который счастье забирает — это совсем другой Феликс?

— Ну, конечно! — обрадовался гость, — Кроме меня в лотерее нет никаких других Феликсов...

Вдруг раздался звонок в дверь. Обычно в таких случаях Яша и Полина смотрели друг другу в глаза, пытаясь угадать, кто на этот раз явился к ним в гости. Но Полины не было — она уже выскочила из комнаты и неслась по «колидору» (ну, вы в курсе) с криком «Иду, иду!».